

Поле искать: шугнанские данные в свете лексической типологии

© 2023

Екатерина Владимировна Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; rakhilina@gmail.com

Дарья Александровна Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; daria.ryzhova@mail.ru

Мадина Шодиевна Ардабаева

Институт гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова
Национальной академии наук Таджикистана,
Хорог, Таджикистан; madina.ardabaeva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются глаголы и глагольные конструкции с семантикой поиска в шугнанском языке на типологическом фоне. На материале словарных данных и результатов элицитационных сессий с носителями языка выявляются особенности лексикализации поля ИСКАТЬ в современном шугнанском языке, а также делаются предположения относительно динамики развития этой системы с середины XX в. до сегодняшнего дня. Мы показываем, что в этой зоне выделяется лексическая доминанта — глагол *xikidow* — с очень широкой сферой употребления, включающей поиск объектов разных типов (референтных и нереферентных) разными субъектами (людьми или животными) и разными способами (зрительно, тактильно, с помощью речевой деятельности и т. п.). В отдельных зонах он конкурирует с другими глаголами и конструкциями: в зоне обыскивания пространства употребляется конструкция *tir ėi bir ėidow* ‘переворачивать вверх дном’, а также глаголы *ėxtow* ‘смотреть’ и *qilaptow* ‘рыться’, обозначающие поиск глазами и руками соответственно; конструкция *siroq ėidow* (букв. ‘поиск делать’) может описывать поиск, осуществляемый посредством расспросов окружающих. Несколько глаголов, обозначавших, согласно словарным данным, поиск в темноте (*warbaptow*, *zi(r)yaptow* и *warwarbtow*), вышли из узуса, еще два — *tilaptow* ‘просить’ и *xiqaptow* ‘болтать, выдумывать’ — утратили значение поиска. Описание системы шугнанских глаголов поля искать дополняется анализом их полисемии: выделяются случаи употребления этих глаголов вне зоны поиска и объясняется природа таких семантических связей.

Ключевые слова: глаголы поиска, иранские языки, колексификация, лексика, лексическая типология, памирские языки, полисемия, шугнанский язык

Благодарности: Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 23-00-012 «Смежность семантических полей в типологической перспективе» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Для цитирования: Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., Ардабаева М. Ш. Поле искать: шугнанские данные в свете лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2023, 6: 103–119.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.103-119

Semantic field SEEK: Shughni data in the light of lexical typology

Ekaterina Rakhilina

HSE University, Moscow, Russia; Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; rakhilina@gmail.com

Daria Ryzhova

HSE University, Moscow, Russia; daria.ryzhova@mail.ru

Madina Ardabaeva

B. Iskandarov Institute of Humanitarian Science, the Academy of Sciences of Tajikistan,
Khorog, Tajikistan; madina.ardabaeva@mail.ru

Abstract: The paper deals with verbs and verbal constructions with the meaning ‘to seek, to search, to look for’ (the semantic field SEEK) in the Shughni language against a typological background. On the basis of dictionary data and the results of elicitation sessions with native speakers, the peculiarities of the lexicalization of the SEEK field in modern Shughni are revealed, and assumptions are made regarding the dynamics of the development of this system from the middle of the twentieth century to the present day. We show that, in this semantic field, there is a clear lexical dominant — the verb *ǰikǰdow* — with a very wide scope of use, including search for objects of different types (specific and non-specific) by different subjects (humans or animals) and in different ways (visually, tactually, with the help of speech activity, etc.). In some semantic domains within the field of seeking, it competes with other verbs and constructions: in the domain of searching a space, the construction *tǰr ǰi bǰr ǰǰdow* ‘to turn upside down’ is used, as well as the verbs *ǰǰxtow* ‘to look’ and *ǰilǰǰptow* ‘to rummage’, denoting visual and tactual search, respectively; the construction *siroǰ ǰǰdow* (lit. ‘search to do’) can describe a search carried out by asking others around. Several verbs denoting, according to the dictionary data, a search in the dark (*warǰǰǰptow*, *zi(r)ǰǰǰptow*, and *warwarǰǰtow*), went out of use, two more — *tilǰǰptow* ‘to ask’ and *ǰǰǰǰǰptow* ‘to chat, invent’ — lost the meaning of seeking. The description of the system of the Shughni verbs of seeking is supplemented by an analysis of their polysemy: cases of using these verbs outside the SEEK field are highlighted and the nature of such colexifications is discussed.

Keywords: colexification, Iranian, lexical typology, lexicon, Pamir area, polysemy, Shughni, verbs of search
For citation: Rakhilina E., Ryzhova D., Ardabaeva M. Semantic field SEEK: Shughni data in the light of lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 6: 103–119.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.6.103-119

1. Вводные замечания

Настоящая работа посвящена полю ИСКАТЬ в шугнанском языке — в типологическом контексте. Контекстом служат системные исследования поля ‘искать-находить’ на материале более 30 языков из индоевропейской, абхазо-адыгской, нахско-дагестанской, чукотско-камчатской, уральской, алтайской и сино-тибетской семей в [Рыжова и др. (ред.) 2018], выполненные в рамках подхода к анализу лексики, разработанного Московской лексико-типологической группой. В ходе этих исследований, как обычно в лексической типологии определенной семантической зоны, ср. [Майсак, Рахилина (ред.) 2007, Рахилина и др. (ред.) 2020], были выявлены такие семантические противопоставления, которые в языках мира могут выражаться лексически — а значит порождать квазисинонимы со значением ‘искать’. Как неоднократно было показано на разном лексическом материале, в глагольной лексике источником противопоставлений такого рода является аргументная структура глаголов, включая типичные способы заполнения аргументных слотов. Поэтому

в наших работах мы, следуя филморовской фреймовой семантике [Fillmore 1976], говорим о **фреймовой типологии** глагольной лексики [Рахилина, Резникова 2013], имея в виду ситуации, обозначаемые глаголом, и их типовых участников.

Для семантического поля искать тоже характерны лексические противопоставления, связанные с меной типов аргументов: субъекта, объекта и места поисков. Помимо этого, искать можно разными способами — и глаголы с семантикой поиска отличаются друг от друга в том числе тем, специфицируют ли они тип действий, совершаемых субъектом с целью найти искомый объект. Часто оказывается, что на синхронном уровне способ поиска не закреплен в семантике глагола (такие слова мы называем «недоспецифицированными», см. раздел 2), но внутренняя форма или диахронические данные показывают, что семантическим источником для этого глагола были вполне определенные действия, ср. англ. *look for*, очевидно восходящее к значению ‘смотреть’. Поэтому, говоря о глаголах поля искать, мы принимаем во внимание не только их сегодняшнее значение, но и по возможности их этимологию.

Шугнанский язык, с которым мы будем работать, принадлежит к восточноиранским языкам, на нем говорит порядка 100 000 человек в Горно-Бадахшанской автономной области в Таджикистане и в провинции Бадахшан в Афганистане. Ареально шугнанский принадлежит к памирским языкам. В нашем исследовании мы опираемся на словарные и собственные полевые данные. В словаре шугнанского языка Д. Карамшоева [1988; 1991; 1999] имеется порядка десяти лексических единиц, способных выражать значение поиска. Мы уточнили этот материал, а также дополнили его с помощью элицитации по типологической анкете в ходе экспедиции НИУ ВШЭ в г. Хорог (Таджикистан) при поддержке Университета Центральной Азии в 2022 г. Каждый контекст обсуждался не менее чем с четырьмя носителями шугнанского языка. В результате мы получили представление о синхронном состоянии лексической системы в этой зоне и — благодаря более ранним словарным данным — можем строить предположения о динамике развития этой системы примерно с середины XX в. до сегодняшнего дня.

В статье, помимо введения, четыре раздела. В следующем, втором, разделе мы обсудим понятие недоспецифицированности в применении к лексике. Далее, в разделе 3, мы обозначим типологически релевантные противопоставления и фреймы искать, представленные в шугнанском, а в четвертом разделе обсудим возможные источники для лексификации зоны поиска в этом языке. Итоги разбора данных подводятся в разделе 5 «Результаты и обсуждение». Там же мы предложим наше понимание значимости шугнанских данных как для методики работы с недоспецифицированными глаголами (в частности, глаголами поиска), так и для лексической типологии в целом.

2. Недоспецифицированная лексика

Типичная для глагольной семантической зоны ситуация (или фрейм), как правило, определяется набором аргументов-слотов и их свойствами (тоже типичными): разные объекты по-разному прыгают, падают, плавают, качаются, вращаются, звучат и пр. Одно дело, когда качается маятник (и другие похожие на него жестко закрепленные сверху объекты, как люстра), а другое дело — мягкая вертикальная поверхность, как занавеска, и совсем иначе — жесткий объект, закрепленный снизу, как дерево [Рахилина, Прокофьева 2005; Шапиро 2015]. Мена свойств аргумента естественным образом трансформирует, так сказать, облик ситуации в целом, семантистам остается только исчислить возможный круг таких аргументов.

Тем более очевиден переход от одного фрейма к другому, если меняется или перепрофилируется **набор** аргументов. В теоретической семантике эти эффекты обычно связываются с явлением метонимии, которая порождает полисемию глагола в конкретном языке [Langacker 1987; Падучева 2004], — но типологический взгляд на полисемию, вызванную

менной аргументной структуры, заставляет ожидать не только расхождения значений, но и расхождений лексем. Именно так устроено поле вращения. Для вращения вокруг собственной оси ось как бы инкорпорирована в семантику глагола и не соответствует никакому аргументу — такие фреймы, как, например, ‘поворачиваться’ или ‘вращаться (о двери)’ одноместны. Но если ориентир вращения внешний, как в (1–2), глагол становится двухместным — и может, как видно уже на этих примерах, лексически отличаться от одноместных [Круглякова 2010].

- (1) ...*лодка стала описывать круги* вокруг плавающего в море хозяина [НКРЯ, 1997]
 (2) ...*птицы кружат над* кронами гигантских тополей [НКРЯ, 2008–2010]

Существенно, что добавление и упразднение одного аргумента сразу же затрагивает остальные и поэтому кардинально меняет то, что мы только что назвали «обликом» ситуации — а могли бы назвать «гештальтом»: птицы, как правило, кружат над, а не вертятся или вращаются, тогда как двери не могут двигаться вокруг внешних объектов — и т. д., и т. п. Гештальтность в этом смысле — как взаимообусловленность свойств аргументов — в принципе свойственна множественным предикатам, ср. представление о том, что звери иначе едят жидкое, чем люди [Croft 2009]. Она усиливает противопоставления между фреймами и приводит к возникновению лексических противопоставлений, ср. русск. *лакать* vs. *пить* (подробнее о глаголах еды и питья в языках мира см. [Newman 2009]). Как исследователям нам могут быть удивительны отдельные лексикализации, которые встречаются в языках мира. Так, для глаголов плавания локативный аргумент кажется незаменимым для всех фреймов — плавания человека, плавания судов, плавания по течению воды или на поверхности жидкости [Майсак, Рахилина 2007] и практически фиксированным как водная субстанция (плавание в супе или в крови глубоко периферийно на общем фоне). Однако в индонезийском [Ландер, Крамарова 2007] обнаруживается возможность продуктивных лексикализаций плавания по типу водоема (букв.: ‘озерить’ как ‘плавать по озеру’ или ‘пролить’ как ‘переплывать пролив’).

Все сказанное касается общих методов лексической типологии — и общего устройства лексически выраженных противопоставлений глаголов в языках мира как мы их себе представляем — и в полной мере относится и к глаголам с семантикой ‘искать’ (соответствующие противопоставления в применении к шуганскому материалу мы рассмотрим подробнее в разделе 3). Между тем поле *искать* обладает и некоторыми особенными свойствами, которые усложняют соответствующие ему лексические системы по сравнению с обычными. Парадокс *искать* состоит в следующем. Очевидно, что глаголы с семантикой ‘искать’ обозначают последовательность физических действий, всегда имеющую определенную цель, и во многих случаях предполагают и заранее заданный конкретно-референтный объект (как в русск. *искал свои очки*). Такие глаголы должны были бы быть похожи на другие глаголы с физическим значением — как ‘пилить’, ‘солить’ или ‘поливать’ — и получить похожее описание, в котором последовательно «прописаны» все действия субъекта (и возможных инструментов) над объектом, ср. (1) взять пилу, (2) привести ее в контакт с объектом (обычно деревом), (3) двигать пилу определенным образом — чтобы с ее помощью разделить объект на части. Однако такого описания глаголу *искать* мы дать не можем, потому что не знаем, из каких именно действий состоит свойственная ему последовательность. Толкование *искать*, таким образом, остается так сказать «недоспецифицированным»: мы знаем, что субъект хочет получить себе некоторый объект, которого у него нет (но, возможно, был некоторое время назад), и предпринимает ряд действий, свой в каждом случае. В зависимости от обстоятельств, он заглядывает под диван, осматривает местность, шарит в темноте и пр. — эти действия вполне конкретные, но закрепить их в толковании глагола *искать* (как мы это делаем для *пилить* или *солить*) мы не можем.

Поле *искать* не вполне уникально в этом отношении. Полностью недоспецифицированных предикатов, у которых не определено все пространство от презумпции до результата,

действительно не так много, но глаголы со значением ‘прятать’, ‘исчезать’, ‘готовиться’ или, например, ‘мстить’ устроены так же (специальному исследованию глаголов прятания как недоспецифицированных в типологическом аспекте посвящена статья [Резникова 2022], данные адыгейского в том же ключе освещены в [Багирова, Рыжова 2022], ср. также близкий, но не тождественный недоспецифицированным глаголам класс «интерпретационных» глаголов, выделяемых в [Апресян 2004], и понятие “underspecification” в [Geeraerts 2016]). С теоретической точки зрения недоспецифицированные предикаты в определенном смысле похожи на абстрактные значения, например эмоции. У абстрактных значений основная ситуация часто не может быть названа и тоже остается «невидимой», но только по другой причине: потому что не принадлежит физическому миру. Абстрактные ситуации «находят выход» в том, что лексифицируются за счет метафорических переносов предикатов с физическим значением, ср. *кипеть* или *расстраиваться*. Эти предикаты служат для них семантическими источниками [Kövecses 2000], своими для каждой отдельной семантической зоны. Они составляют интереснейший объект типологического исследования (см., например, [Aprésjan 1997; Levinson et al. 2007]). Лексификация недоспецифицированных предикатов тоже имеет свои источники. Другое дело, что поскольку это предикаты физического, а не абстрактного плана, здесь нет метафоризации и действуют иные общие для них механизмы. Однако семантические источники тоже каждый раз свои и тоже представляют объект для типологизации. Мы поговорим о них в разделе 4 и предложим их описание для шугнанского.

3. Фреймы ИСКАТЬ и их лексификация в шугнанском

3.1. Типологический экскурс

Как уже было сказано, основные противопоставления внутри семантической зоны обычно связаны с аргументной структурой. Предикаты со значением ‘искать’ можно считать трехместными: X ищет Y в Z , где X — прототипически одушевленный (обычно человек), Y — объект поиска, единичный или множественный, Z — место (пространство, контейнер, а также, метонимически, вещество, занимающее такое место). Такая трактовка аргументной структуры строится на том представлении о семантике ИСКАТЬ, согласно которому X не знает, где находится Y ; хочет это узнать (и, возможно, получить Y в собственность или пользование); предполагает, что Y находится в месте или местах Z и производит в этих местах некоторые действия (ср. толкование для первого значения русского глагола *искать* в [Урысон 2023]). Косвенным свидетельством в пользу такой трактовки и такой аргументной структуры служат и противопоставления в зоне ИСКАТЬ, которые, как показывают типологические исследования в [Рыжова и др. (ред.) 2018], связаны либо с типом субъекта X , либо с типом объекта Y , либо с местом Z .

Для субъекта X речь идет о таксономической оппозиции человек / животное: в языках встречаются глаголы поиска, относящиеся исключительно к животным и маркирующие в этом случае совершенно особый фрейм поиска животного еды или добычи (но не, например, потерянного детеныша, убежища, собственного хвоста и пр.), ср. именно в этом исходном значении русск. *рыскать* (преимущественно о волках¹). Применительно к объекту поиска Y таксономия оказывается не важна, зато важна референтность искомого объекта: представляет ли он конкретную вещь, конкретного человека / животного, ср. ‘искать

¹ В современном русском это исходное значение не так употребительно. Чаще *рыскать* используется метафорически — и в этом качестве применимо к людям: *...перепуганные фанаты пригляделись рыскать по интернету в поисках какой-либо информации* [lenta.ru, 2017.11].

потерянные ключи / очки' — или задано только множество свойств, которым должен обладать объект, ср. пример Е. В. Падучевой *Он ищет новую секретаршу* [Падучева 1985: 94]. В русском языке референтный и нереферентный объект поиска противопоставлены в приставочных глаголах *разыскивать* (только о референтном, конкретном и утраченном) vs. *подыскивать* (о нереферентном объекте, носителе определенных интересующих субъекта свойств), ср. (3–4). Наконец, возможны такие лексикализации ситуации поиска, которые переносят фокус с объекта поиска на зону поиска, ср. англ. *search* в противовес *look for*, или узко специализированный русский глагол *обыскивать*, при котором объект поиска, по выражению Е. В. Падучевой, «уходит в тень» настолько, что вообще не может быть поверхностно выражен непосредственно при *искать*, ср. (5).

- (3) *И долго потом пришлось **разыскивать** таксиста, чтобы вернуть ему девяносто девять рублей.* [НКРЯ, 1995–1999]
- (4) *Я вспомнил рассказы охотников о встречах с медведями и начал даже **подыскивать** дерево, куда можно будет залезть, если вдруг покажется зверь.* [НКРЯ, 1956]
- (5) *Искали пропажу по всему городу vs. **Обыскали** весь город (*от / *для пропажу) в поисках пропажу.*

3.2. Доминантный глагол *ḫikīdow*

Обсуждение современного шугнанского материала мы начнем со стоящего особняком глагола *ḫikīdow*, который можно назвать доминантным. В словаре он иллюстрируется несколькими однотипными примерами, в которых в роли объекта поиска всегда выступает одушевленное существо. Обычно этот объект референтный, ср. (6), хотя без более широкого контекста это не всегда очевидно, ср. (7–8). Как видно по примерам, глагол *ḫikīdow* переходный, т. е. участник с ролью объекта поиска занимает при нем позицию синтаксического прямого объекта (прямой объект выделен в примерах подчеркиванием)².

- (6) *tu=ta māš ḫīkar-i=yo*
 PRON.2SG=EMPH PRON.1PL искать-NPST.2SG=Q
 ‘Ты нас ищешь что ли?’ [Карамшоев 1999: 264]³
- (7) *odam-en=en duzd ḫikū-d*
 человек-PL=3PL вор искать-PST
 ‘Люди разыскивали вора’. [Карамшоев 1999: 264]
- (8) *aga wam virod yak sol-ec ċīr ca ḫikīr-t, na-vire-d*
 если D3.F.SG.O брат один год-LIM горный_козел SUBD искать-NPST.3SG NEG-найти-NPST.3SG
 ‘Если ее брат даже целый год будет искать горного козла — не найдет’. [Карамшоев 1999: 264]

² В современном шугнанском языке субъект и объект в переходной клаузе в большинстве случаев никак не маркируются, и определение синтаксических ролей производится на основе порядка слов, который в шугнанском обычно SOV, и/или глагольного согласования с субъектом. Исключение составляют местоимения, у которых есть прямая и косвенная формы, а также некоторые особые контексты, в которых прямой объект может маркироваться элативным предлогом *as*. Подробнее о шугнанских переходных клаузах и дифференцированном объектном маркировании см. [Чистякова 2022].

³ Поиск по словарю, транслитерация и (частично) глоссирование примеров произведены с помощью платформы *ramiri.online* [Makarov et al. 2022].

Общение с носителями языка показывает, что этот глагол используется значительно шире. Так, в позиции субъекта при нем может быть не только человек, но и животное (9); объект может быть и неодушевленным (10), и нереферентным (11).

- (9) *piš tar dargo xu-rd awqot ǰikīr-t*
 кошка EQ двор REFL-LAT пища искать-NPST.3SG
 ‘Кошка во дворе ищет себе еду’⁴.

- (10) *uz=um biyor rūz=i daroz xu kašelyok ǰikū-d*
 PRON.1SG=1SG вчера день=EZ длинный REFL кошелек искать-PST
 ‘Я вчера весь день искал свой кошелек’.

- (11) *uz anglisi mualim ǰikār-um*
 PRON.1SG английский учитель искать-NPST.1SG
 ‘Я ищу учителя по английскому языку’. {в новую школу}

Поиск нереферентного объекта предполагает перебор различных элементов некоторого множества с целью подобрать такого, который будет соответствовать изначально заданным свойствам, однако множество этих элементов заранее не определено и может даже полностью отсутствовать. Семантически близкая ситуация — перебор конкретных, определенных элементов с целью выбора одного или нескольких из ограниченного множества — обычно получает свое собственное лексическое оформление, ср. русск. *выбирать* или английское *choose*. В шугнанском, однако, и на эту область распространяется базовый глагол поиска *ǰikīdow*, см. (12).

- (12) *uz=um wi kūdak-ard mūn dāk-t-at,*
 PRON.1SG=1SG D3.M.SG.O ребенок-LAT яблоко давать-PST=COORD2
yu=yi der-ec ǰikū-d čidūm zēz-d
 D3.M.SG=3SG долго-LIM искать-PST какой брать-NPST.3SG
 ‘Я дала ребенку яблоки, и он долго выбирал, какое взять’.

Более того, некоторые носители допускают помещение локативного участника Z (пространство поиска) в позицию прямого объекта Y, ср. (13–14)⁵. Однако чаще участник, обозначающий пространство поиска при глаголе *ǰikīdow*, вводится тем или иным локативным показателем: предлогом *ar* с базовой семантикой перемещения вниз (15а), лативным послелогом *-(ard)* (15б) или посессивно-локативным послелогом *-ja*, который присоединяется к обозначениям людей (16).

- (13) ²*uz=um fukaθ jo ǰikū-d*
 PRON.1SG=1SG весь место искать-PST
 ‘Я все обыскал’. (букв. ‘все пространство’)

- (14) ²*wi duzd=en ǰikū-d=at pūl-en wi-ja na-virū-d*
 D3.M.SG.O вор=3PL искать-PST=COORD2 деньги-PL D3.M.SG.O-P.LOC NEG-найти-PST
 ‘Вора обыскали, но денег у него не нашли’.

- (15) а. *uz=um ar xu sūmkā čīd wiǰīz-en ǰikū-d*
 PRON.1SG=1SG DOWN REFL сумка дом ключ-PL искать-PST
 б. *uz=um xu sūmkā-rd čīd wiǰīz-en ǰikū-d*
 PRON.1SG=1SG REFL сумка-LAT дом ключ-PL искать-PST
 ‘Я искал(а) в сумке ключи от дома’⁶.

⁴ Примеры, при которых не указан источник, получены авторами в ходе элицитации.

⁵ Примеры, которые не всем носителям кажутся допустимыми, мы помечаем знаком ?.

⁶ Отметим, что пример (15б) некоторыми носителями интерпретируется как поиск не внутри сумки, а на ее поверхности.

- (16) *ku di-ǰa ǰikar*
 ну-ка D2.M.SG.O-P.LOC искать.IMP
 ‘Обыщи-ка его’. [Карамшоев 1999: 264]

3.3. Обыск пространства

Чтобы подчеркнуть интенсивность поиска в ограниченном пространстве, используют конструкцию *t̄ir ċi b̄ir ċīdow* (верх CONT низ делать.INF) ‘переворачивать вверх дном’, букв.: ‘верх на низ делать’, при которой обозначение пространства поиска занимает позицию прямого дополнения. Это выражение лучше всего подходит для описания поиска (обычно безрезультатного) неодушевленного объекта в небольшом контейнере, как в примере (17). Примеры типа (18), где объект одушевленный, а пространство поиска довольно большое, допускаются не всеми носителями. Для описания поиска одушевленного объекта может использоваться глагол *ċīxtow* ‘смотреть’ (19). Этот глагол переходный, но в позицию прямого объекта при нем помещается объект, а не пространство поиска.

- (17) *uz=um xu sūmkā t̄ir ċi b̄ir ċū-d as₁ rūyi₂ xu wiǰǰ-en*
 PRON.1SG=1SG REFL сумка верх CONT низ делать-PST из-за_{1,2} REFL ключ-PL
 ‘Я перерыл всю сумку в поисках ключей’.
- (18) *ʔodam-en=en fuk ǰār t̄ir ċi b̄ir ċū-d-at,*
 человек-PL=3PL весь город верх CONT низ делать-PST=COORD2
wi duzd=en na-virū-d
 D3.M.SG.O вор=3PL NEG-найти-PST
 ‘Люди обыскали / перевернули весь город, но вора не нашли’.
- (19) *māš-am fukaθ ǰo xu ǰow ǰūǰ-t*
 PRON.1PL=1PL весь место REFL корова смотреть-PST
 ‘Мы искали свою корову повсюду’. (букв. ‘по всему пространству’)

Еще более узкой сферой действия в этой зоне, чем конструкция *t̄ir ċi b̄ir ċīdow* ‘переворачивать вверх дном’, характеризуются глагол *qilāptow*, который по словарю [Карамшоев 1999] имеет два значения: ‘искать’ и ‘возиться, работать’. Значение ‘работать’ не подтверждается носителями, однако он известен всем опрошенным в значении ‘рыться, возиться (о животных)’, в том числе в поисках еды, ср. (20–21). Аналогично и про человека можно сказать, что он «роется» в своих вещах в поисках чего-либо (22). Этот глагол в значении обыска пространства используется только в том случае, если человек действительно перебирает что-то руками. Глагол *qilāptow* непереходный: участник с ролью пространства поиска вводится пространственными предлогами (как правило, предлогом *ar* ‘вниз’, ср. (20)), а объект поиска маркируется послелогом *ǰāt* — показателем причины или цели, ср. (21–22).

- (20) *yu kud ar zimād qilāp-t*
 D3.M.SG собака DOWN земля рыться-PST
 ‘Собака рылась в земле’.
- (21) *piš dargo-ra awqot=ǰāt qilāp-t*
 кошка двор-LAT пища=CAUSE рыться-PST
 ‘Кошка рылась во дворе в поисках еды’.
- (22) *yā ǰinik=i fuk būǰīn-en-ard qilāp-t mūn=ǰāt*
 D3.F.SG женщина=3SG весь мешок-PL-LAT рыться-PST яблоко=CAUSE
 ‘Женщина перерыла все мешки в поисках яблока’.

К последним двум глаголам — *čixtow* и *qilāptow* — мы вернемся в следующем разделе в связи с проблемой семантических источников.

4. Семантические источники ИСКАТЬ и утраченные шугнанские глаголы

Источниками недоспецифицированных глаголов во многих случаях становятся предикаты, которые уточняют «пропущенную» в их семантике зону — в нашем случае, способ поиска. Значит, нам нужно представить себе, какого рода усилия предпринимает человек, когда он ищет, и какие инструменты использует. Оказывается, что часто с точки зрения языков мира человек ищет глазами, то есть смотрит (ср. русск. *высматривать*, англ. *look for* или чешск. *hledat*), но может пользоваться и другими каналами восприятия, например слушать (ср. *подслушивать*), — а звери обычно полагаются на нюх (ср. здесь метафорическое *вынюхивать*). Еще один значимый инструмент поиска — это руки (тактильный поиск): именно руками *шарят* в темноте, *переворачивают (все вверх дном)*, а также, с помощью дополнительных инструментов и исключительно метафорически, *шерстят, прочесывают, перерывают, копают, перебирают* и др. В основном это можно делать только в поисках потерянного, а в поисках неопределенного предмета с нужными свойствами подходят глаголы речи, ср. *выведывать, (вы/рас)спрашивать, допрос*⁷. И наконец, человек, как охотник, может *выслеживать кого-то*, а также просто *ходить в поисках* (ср. русск. *находить / найти*), и тогда главным инструментом оказываются ноги⁸. Некоторые из этих источников описаны С. М. Толстой на славянском материале [Толстая 2013], более широкая типологическая картина дана в [Рыжова и др. (ред.) 2018].

Имея в виду эту картину, посмотрим теперь на шугнанский материал. Во-первых, заметим, что наш доминантный глагол *čixidow*, будучи недоспецифицированным, не различает способы поиска и охватывает почти все типологически выделенные возможности, ср. (23) для поиска глазами, (24) для поиска руками или про поиск, предполагающий разного рода речевую деятельность (ср. пример (11), который подразумевает собеседование с претендентом на должность учителя).

(23) *yu=yi xu nım ar wi rūyixāt čikū-d*
 D3.M.SG=3SG REFL имя DOWN D3.M.SG.O список искать-PST
 ‘Он искал свое имя в списке’.

(24) *uz=um xu δust=qati ar řac xu tin čikū-d*
 PRON.1SG=1SG REFL рука=COM DOWN вода REFL монета искать-PST
 ‘Я искал рукой в воде свою монету’.

Однако в шугнанской системе есть и специализированные глаголы со своими источниками, подпадающие под семантический переход ‘конкретный способ поиска’ → ‘общий поиск’. Д. Карамшов выделяет целую серию лексических единиц, демонстрирующих такие модели.

Первыми назовем глагол *tilāptow* и конструкцию *siroq čidow* — их объединяет значение поиска как расспроса, причем обе единицы заимствованы из таджикского. Глагол *tilāptow*, согласно [Додыхудоева 1988: 138], восходит к таджикскому *талабидан* ‘требовать,

⁷ Понятно, что жесткого распределения функций между тактильными глаголами и глаголами речи быть не может. Например, в группу поиска предмета по свойствам попадает и русск. *подбирать* — как в *подбирать персонал*.

⁸ О том, что, в частности, русское *следить* восходит именно к идее движения за кем-то следом, а не наблюдения, см. [Рахилина, Бычкова 2022].

просить, желать, приглашать'. В таджикско-русском словаре [Саймиддинова и др. (ред.) 2006] есть также сложный глагол *талаб кардан* (букв. 'требование делать'), который выражает значения 'требовать; просить; искать', — они же представлены в словаре Д. Карамшоева для шугнанского *tilāptow*. Однако в современном языке, по нашим полевым данным, у *tilāptow* осталось только значение 'просить', а метафора поиска полностью утрачена. Существительное *siroq* связано с таджикским *суроғ* 'осведомление, расспрашивание, разыскивание, розыск, поиск' (в дарвазских говорах — *siroh*, см. [Розенфельд 1956: 269]) и, согласно словарю Д. Карамшоева, в шугнанском языке тоже имеет значение 'расспросы, поиски' (а также 'визит, поход в гости' и 'признание, уважение'). Шугнанский сложный глагол *siroq čīdow* (букв. 'поиск делать') может обозначать поиск одушевленного объекта посредством долгих расспросов окружающих, причем объект поиска при этом сложном глаголе занимает позицию прямого дополнения (25). В словаре Д. Карамшоева выделяется также фразеологизованное предложное сочетание с аналогичным значением *dar-siroq dēdow*, где *dar* — таджикский локативный предлог 'в', а *dēdow* — глагол 'давать'. Опрошенные нами носители эту конструкцию не употребляют.

- (25) *ku wi mu narxar ar Pastev siroq kin*
 ну-ка D3.M.SG.O PRON.1SG.O осел DOWN Пастев поиск делать.IMP
 'Расспроси-ка в Пастеве про моего осла'. [Карамшоев 1991: 579]

Два других глагола, соответствующих типологическим ожиданиям, мы уже упоминали — это *čīxtow* 'смотреть' и *qilāptow* 'рыться'. Глагол *čīxtow* 'смотреть' ожидаемо обозначает «зрительный поиск» (26), но может употребляться и шире. Заметим здесь, что в более широких и общих, семантически производных употреблениях *čīxtow* часто выступает в форме императива, см. (27).

- (26) *aqobi fukaθ jo riwux-t=at awqot čīxt*
 орел весь место летать-PST=COORD2 пища смотреть-PST
 'Орел повсюду летает, высматривает добычу'.

- (27) *ku ar mu nān jebak dūsik pūl čis xu,*
 ну-ка DOWN PRON.1SG.O мать карман немного деньги смотреть.IMP COORD1
mu-rd dāk
 PRON.1SG.O-LAT давать.IMP
 'Поищи в кармане моей матери немного денег и дай мне'. [Карамшоев 1999: 367]

Второй из уже упомянутых глаголов, *qilāptow*, тоже развивался в полном соответствии с типологическим канонem: как мы помним, основное его значение — 'рыться (о животных)' — развило зооморфную метафору 'перебирать что-то руками в поисках чего-то (о человеке)', см. примеры (20–22) выше⁹. Однако он может употребляться и шире: обозначать поиск ощупью (28) или даже просто без зрительной поддержки, ср. (29)¹⁰. При этом объект поиска должен быть обязательно неодушевленным, даже если поиск не зрительный (30) — это сочетаемостное свойство наследуется из исходных контекстов, но синтаксис новых употреблений меняется, сближаясь с синтаксической моделью 'искать': в новых употреблениях *qilāptow* может принимать прямой объект, см. (28–29).

- (28) *tu pisen=ām ar xac cūnd qilāp-t,*
 PRON.2SG точильный_камень=1PL DOWN вода сколько рыться-PST

⁹ Здесь нужно заметить, что словарная статья для этого глагола устроена иначе. Д. Карамшоев первым его значением называет 'искать', а вторым — 'возиться, работать', однако, по всей видимости, оба они производны от более конкретного образа — поведения животного, — «пропущенного» в словарном толковании, но хорошо известного всем опрошенным нами носителям.

¹⁰ Правда, последнее расширение допускается не всеми носителями.

na-vū-d=ām

NEG-приносить-PST=1PL

‘Твой точильный камень (мы) сколько ни искали в воде, не нашли’. [Карамшоев 1999: 508]

- (29) *ʔuz=um toriki-ndi der-ec xu ċīd qilāp-t*
 PRON.1SG=1SG темнота-LOC поздно-LIM REFL дом искать-PST

‘В темноте я долго искал свой дом’.

- (30) *uže torik su-t=at uz=at mu virod=am*
 уже темнота идти-PST=COORD2 PRON.1SG=COORD2 PRON.1SG.O брат=1PL
*der-ec yakdigar ħikū-d / *qilāp-t*
 поздно-LIM RECP искать-PST / рыться-PST

‘Уже стемнело, и мы с братом долго искали друг друга’.

Заметим, что это типичный сценарий формирования глагола поиска на основе лексемы из другого семантического поля: исходный глагол семантически связан с обработкой или преодолением пространства и управляет локативом или предложной группой, но по мере формирования семантики общего поиска приобретает возможность употребляться переходно, ср. сербск. *тражити за неким* ‘идти по следу за кем-то’ → *тражити књигу* ‘искать книгу’ [Толстая 2013; Рыжова, Станкович 2018].

Согласно данным Д. Карамшоева, поиск ошупью может передавать также глагол *ħiqāp-tow*, совмещающий значения ‘искать, разыскивать, шарить, нащупывать’ и ‘болтать, говорить впустую, разглаговльствовать’, см. следующий словарный пример:

- (31) *cūnd=i tar toriki ħiqāp-t, na-vū-d=i*
 сколько=3SG EQ темнота шарить-PST NEG-приносить-PST=3SG

‘Сколько он ни шарил в темноте, не нашел (ничего)’. [Карамшоев 1999: 276]

Современные носители такое употребление не подтверждают, но этот глагол известен им в несколько ином значении: ‘выдумывать, нести чушь’ (32).

- (32) *yā=yi biyor dars-and dis ħiqāp-t xu wam-ard=en*
 D3.F.SG=3SG вчера урок-LOC так выдумывать-PST COORD1 D3.F.SG.O-LAT=3PL
du nêd-d
 два сажать-PST

‘Вчера на уроке она выдумывала / говорила глупости, и ей поставили двойку’.

Связь с семантикой поиска кажется здесь сомнительной — прежде всего ввиду уникальности такого перехода: типологически он не подтверждается нашими данными [Рыжова и др. (ред.) 2018] (ср. также многоязычные базы данных коллексификаций и семантических переходов [Rzymiski et al. 2019] и [Zalizniak et al. 2016–2020]), где такая связь тоже не засвидетельствована), и в целом трудно установить сколько-нибудь объяснимые непосредственные отношения между таким значением-источником и таким значением-целью. Однако и ставить под сомнение данные Д. Карамшоева не хотелось бы: известно, что ошибку лексикографа стоит подозревать в последнюю очередь. Нам кажется, что некоторую гипотезу по поводу этого перехода можно сформулировать, если рассмотреть *ħiqāp-tow* в ряду оставшихся трех словарных глаголов поиска, — к сегодняшнему дню, как показывают наши полевые данные, полностью утраченных.

Два глагола — *warθāptow* и *zi(r)yāptow*, — которые еще употреблялись в 1960-70-е годы, когда собирали словник, отражены в словаре очень похоже на *ħiqāptow*, как имеющие два значения: ‘искать’ и ‘болтать’. Разница в том, что у первого исходным значится ‘болтать’, а у второго (как у *ħiqāptow*) — ‘искать’. Сама возможность разного порядка значений, когда лексикографу — носителю языка — все равно, как их расположить, свидетельствует о том, что ни одно из них не исходно. Это **первый вывод**, который дает нам этот

словарный материал. Условия поиска, которые заложены во всех трех глаголах (по словарным толкованиям), тоже очень схожи — это нащупывание рукой, обычно необходимое для поиска небольшого предмета **в темноте** — как в *warθāptow* ‘разыскивать, шарить, нащупывать’, ср. (33), или *xiqāptow* ‘искать, разыскивать, шарить, нащупывать’, ср. (31) выше, а также менее конкретная в отношении способа (глазами? ногами?) ситуация поиска больших предметов — но тоже **в темноте**: например, нужного дома, как в *zi(r)ūāptow* ‘искать, разыскивать (в темноте)’, ср. (34). Таким образом, для шугнанского поиск в темноте выделен и имел разные способы выражения. Важно, что каждый раз он оказывался сопряжен со значением ‘болтать, говорить чепуху, выдумывать, фантазировать’. Такая повторяемость, пусть и в одном и том же языке, подтверждает правдоподобие такого семантического соседства — и это **второй вывод**, который дает анализ этих словарных данных.

(33) *yu tar xābi wiḫīz=i warθāp-t, na-vū-d=i*
 D3.M.SG EQ темнота ключ=3SG шарить-PST NEG-приносить-PST=3SG
 ‘Он нащупывал ключ в темноте, но не нашел’. [Карамшоев 1988: 319]

(34) *xābi-ndē=m tu ċīd ziyāp-t, ziyāp-t bayelā-m wi*
 темнота-LOC=1SG PRON.2SG дом искать-PST искать-PST насилиу=1SG D3.M.SG.O
vū-d
 приносить-PST
 ‘(я) искал, искал ночью твой дом, насилиу нашел’ [Там же: 565]

Между тем у Д. Карамшоева есть еще глагол *warwarθtow*. Он тоже уже ушел из узуса, он тоже поисковый во втором значении, и он тоже обозначал тактильный поиск в темноте, ср. (35). Однако, в отличие от предыдущих, его первое значение очень прозрачно — это мелкие физические движения, без направления и определенной цели: ‘возиться, двигаться; шевелиться; барахтаться’, ср. (36). В паре ‘возиться’ → ‘шарить’ понятна и связь, и направление связи. Действительно, ‘шарить’ предполагает мелкие движения руками, беспорядочные при поиске в темноте, у которых, тем не менее, есть цель, тогда как ‘возиться / барахтаться’ тоже предполагает мелкие движения — правда, не только рук, а всего человеческого тела, — но бесцельно. При семантическом переходе ‘возиться’ → ‘шарить’ исходная затронутость движением всего тела сужается до рук, а к беспорядочности добавляется цель. Эти попутные семантические изменения не случайны и не исключительны. Действительно, при переходе глагола движения в сферу человеческой деятельности, которая всегда целенаправленна, мы обычно наблюдаем возникновение цели, ср. этот эффект для *крутиться*: *он крутится как умеет* ‘много делает, **чтобы** все успеть’. Естественно и сужение, ср. для *возиться*:

— [исходное] *возится в луже* как движение всего **тела** →

— [производное] *она возится на кухне* как ‘готовит’ (прежде всего, это движение **рук**)

(35) *cūnd=um tar xābi warwarθ-t, nā-vū-d=um*
 сколько=1SG EQ темнота возиться-PST NEG-приносить-PST=1SG
 ‘Сколько я ни шарил в темноте, ничего не нашел’. [Карамшоев 1988: 317]

(36) *ar žiniḡ=um ḡo-d xu, warwaθ-t=um*
 DOWN снег=1SG падать-PST COORD1 возиться-PST=1SG
 ‘Я увяз в снегу и барахтался в нем’. [Там же: 317]

Сужение исходного значения беспорядочного движения может дать в результате не только движение рук, но и движение языка, то есть процесс говорения как беспорядочного болтания (болтовни) языком, ср. русск. *болтать*, а также *трепаться*. Возникающая при этом стилистическая сниженность может затронуть и содержание разговора / рассказа собеседника: он говорит не дельное, а чепуху и/или неправду, выдумывает, фантазирует, врет и т. п. Именно таков, как нам представляется, источник неожиданного, на первый взгляд, значения ‘болтать’ в шугнанских данных.

Таким образом, исходным для всего этого кластера глаголов, по-видимому, как и у *warwarθtow*, является значение мелких бесцельных беспорядочных движений (утраченное у многих глаголов к моменту сбора словника), которое преобразуется, с одной стороны, в ‘беспорядочно двигать [= шарить] руками’ (а затем в более общее ‘искать в темноте’), а с другой стороны, той же операцией сужения, оно же (а не ‘шарить руками’) преобразуется в ‘беспорядочно двигать [= болтать / трепать] языком’, то есть говорить чепуху и сочинять бредни.

5. Результаты и обсуждение

Задача этой статьи была поставлена максимально комфортно для исследователя: поле ИСКАТЬ, которое мы выбрали, уже в определенной степени структурировано и описано в [Рыжова и др. (ред.) 2018], причем его предварительные исследования были проведены на немалом языковом материале. Правда, семантика ИСКАТЬ, как мы показали, устроена не совсем канонически с точки зрения лингвистической теории: она может быть определена как «недоспецифицированная», то есть лишенная конкретики в отношении физических действий, которые предпринимает субъект X для достижения цели ‘найти Y’. Для таких предикатов нужна не только фреймовая типология, апеллирующая к аргументной структуре (субъект X ищет объект Y в месте Z), но еще и типология источников лексификации. Другими словами, для них нужен обоснованный список / классификация семантических областей, из которых заимствуются глаголы, моделирующие возможную физическую активность человека при поиске.

Мы показали, что шугнанская система ИСКАТЬ доминантная: по нашим данным, она имеет глагол *χikīdow*, способный покрывать любую ситуацию поиска. Поэтому фактически в ней нет аргументных противопоставлений за счет субъекта (X), объекта (Y) или места (Z): нет ни специального глагола для поиска особых X-ов — например для поиска животными (типа русск. *рыскать*), — ни лексически противопоставленных предикатов поиска референтных или нереферентных Y, ни особого глагола «прочесывания территории» Z типа русского *обыскать*. Однако на периферии поля ИСКАТЬ у доминантного *χikīdow* есть несколько конкурентов: конструкция *tir ēi bir cidow* ‘переворачивать вверх дном’ в зоне обьска пространства, а также глаголы *ēxtow* ‘смотреть’ и *qilāptow* ‘рыться’, первый из которых обозначает зрительный или не очень старательный, «поверхностный» поиск, а второй — наоборот, тщательный обыск небольшой области или просто поиск руками. Кроме того, оказалось, что шугнанская система разнообразна в отношении источников, особенно если учитывать не только современный шугнанский, но и шугнанский 50-60-летней давности, сохраненный словарем Д. Карамшоева. В этой расширенной системе есть беспорядочное движение и ощупывание, зрительное восприятие и — в заимствованных словах и конструкциях — просьбы и расспросы. Еще один типологически распространенный источник — движение следом — в шугнанском не зафиксирован, но зато в шугнанской системе на некотором этапе ее развития, вероятно, лексически выделялся поиск больших объектов в темноте, который технически (но, видимо, не этимологически) предполагает перемещение, т. е. «поиск ногами».

Всё это источники, с которыми мы уже сталкивались в других языках. В этой части шугнанский материал подтверждает и уточняет уже имеющиеся у нас типологические данные. В то же время, встраивая шугнанские данные в общую типологию поля недоспецифицированных глаголов поиска, мы получили новый опыт — того, как с такими полями работать. Это позволяет нам сделать целый ряд выводов, в том числе методологического характера.

Во-первых, правильно было разбить работу на два этапа. Сначала, на первом этапе — обследовать фреймы, которые задает аргументная структура, чтобы оценить, в какой степени новый язык способен лексифицировать уже известные нам противопоставления

и нет ли новых. На втором этапе — классифицировать семантические источники, «восполняющие» неопределенность в значении глаголов.

Во-вторых, на примере шугнанского мы увидели важность исторического материала: без привлечения к анализу уже утраченных лексем поле выглядело бы гораздо беднее. С точки зрения типолога (а не лексикографа), не играет роли, устарели словарные данные или нет, главное — их достоверность (хотя в далекой перспективе, когда лексическая типология накопит большой материал, было бы интересно посмотреть, какие противопоставления сохраняются лучше, а какие уходят раньше).

В-третьих, шугнанский дал нам хороший пример нестандартной и необъяснимой коллексификации ‘искать’–‘болтать’ и опыт работы с такого рода парами. Понятно, что ровно эта коллексификация может и не встретиться в другом языке, но похожая проблема может возникнуть на другом материале. Мы убедились в неслучайности такой пары, показали, что ее члены связаны не напрямую и нашли для них общий семантический источник, который и был причиной их коллексификации.

Наконец, четвертое, что показал шугнанский: семантическая зона может быть покрыта лексикой неравномерно — в конкретном языке отдельные ее фрагменты могут оказаться лексифицированы особенно плотно. В нашем случае это поиск руками, ср. *qilāptow* ‘рыться’, а также *xiqāptow*, *warθāptow*, *zi(r)ḡāptow* и *warwarθtow*, которые, согласно словарным данным, некогда выражали значение ‘шарить, нащупывать, искать в темноте’. Пока у нас нет статистики по поводу того, насколько значим этот тип поиска по сравнению с другими для языков мира как семантический источник. Однако несомненно, что в шугнанском именно поиск руками (а также связанный с ним поиск в темноте) имеет своего рода привилегии перед остальными — особенно в исторической перспективе. Даже доминантный глагол поиска *xiḡidow* оказывается семантически сопряжен с семантикой выбора, производной от перебора объектов руками.

Как видим, частная задача описания системы шугнанского как очередного языка в зоне ИСКАТЬ существенно продвигает нас в понимании принципов организации лексики в целом.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	INF — инфинитив
CAUSE — причина	LAT — латив
COM — комитатив	LIM — лимитатив
CONT — предлог со значением опоры на части тела	M — мужской род
COORD1, COORD2 — сочинительные союзы	NEG — отрицание
D1, D2, D3 — демонстративы трех серий (‘около говорящего’, ‘около собеседника’, ‘вдали от обоих’)	NPST — непрошедшее время
DOWN — латив с направлением вниз	O — косвенная форма местоимения
EMPH — эмфатическая частица	P.LOC — посессивный локатив
EQ — экваллатив	PL — множественное число
EZ — изафет	PST — прошедшее время
F — женский род	Q — вопросительная частица
IMP — императив	RECP — реципрокальное местоимение
	REFL — рефлексив
	SG — единственное число
	SUBD — подчинительный союз

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Карамшов 1988, 1991, 1999 — Карамшов Д. К. *Шугнанско-русский словарь*. Т. 1–3. М.: Наука, Восточная литература, 1988, 1991, 1999.
 НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

- Саймиддинова и др. (ред.) 2006 — Саймиддинов Д., Холматова С. Д., Каримов С. (ред.). *Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (Таджикско-русский словарь)*. Душанбе: Пайванд, 2006.
- Rzymiski et al. 2019 — Rzymiski C., Tresoldi T., Greenhill S. J., Wu M. S., Schweikhard N. E., Koptjevskaja-Tamm M., Gast V., Bodt T. A., Hantgan A., Kaiping G. A. et al. *The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies*. 2019. URL: <https://clics.clld.org>.
- Zalizniak et al. 2016–2020 — Zalizniak A., Smirnitckaya A., Russo M., Gruntov I., Maisak T., Ganenkov D., Bulakh M., Orlova M., Bobrik-Fremke M., Dereza O. et al. *Database of Semantic Shifts*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016–2020. URL: <http://datsemshift.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 2004 — Апресян Ю. Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства. *Русский язык в научном освещении*, 2004, 1(7): 5–22. [Apresyan Yu. D. Verbs of interpretation: semantic structure and properties. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, 1(7): 5–22.]
- Багирокова, Рыжова 2022 — Багирокова И. Г., Рыжова Д. А. Глаголы прятания и особенности их оформления локативными аффиксами в адыгейском языке. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 95–114. [Bagirokova I. G., Ryzhova D. A. Verbs of hiding and their combinability with locative affixes in Adyghe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 95–114.]
- Додыхудоева 1988 — Додыхудоева Л. Р. *Шугнанский глагол в историческом освещении*. Душанбе: Дониш, 1988. [Dodykhudoeva L. R. *Shugnanskii glagol v istoricheskom osveshchenii* [Shughni verb in the historic perspective]. Dushanbe: Donish, 1988.]
- Круглякова 2010 — Круглякова В. А. *Семантика глаголов вращения в типологической перспективе*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2010. [Kruglyakova V. A. *Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoi perspektive* [Semantics of verbs of spinning in the typological perspective]. Candidate diss. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010.]
- Ландер, Крамарова 2007 — Ландер Ю. А., Крамарова С. Г. Индонезийские глаголы плавания и их система. *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Индрик, 2007, 664–693. [Lander Yu. A., Kramarova S. G. Indonesian verbs of swimming and their system. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007, 664–693.]
- Майсак, Рахилина 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры. *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Индрик, 2007, 27–75. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. Verbs of moving and being in the water: lexical systems and semantic parameters. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007, 27–75.]
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of moving in the water: lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007, 27–75.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimений)* [Statement and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the lexical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Рахилина, Бычкова 2022 — Рахилина Е. В., Бычкова П. А. Русская классика XIX века и проблема лингвистического комментария (на примере «Героя нашего времени» Лермонтова). *Russian Literature*, 2022, 131: 143–169. [Rakhilina E. V., Bychkova P. A. Russian classics of the 19th century and the problem of linguistic commentary (on the example of Lermontov's *Hero of Our Time*). *Russian Literature*, 2022, 131: 143–169.]
- Рахилина, Прокофьева 2005 — Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология. *Язык и личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой*. Топоров В. Н. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2005, 304–314. [Rakhilina E. V., Prokof'eva I. A. Russian and Polish verbs of oscillatory motion: semantics and typology.

- Yazyk i lichnost'. Tekst. Sbornik statei k 70-letiyu T. M. Nikolaevoi.* Toporov V. N. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005, 304–314.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Рахилина и др. (ред.) 2020 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. (ред.) Типология глаголов падения. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. (eds.). Typology of verbs of falling.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 1(16).
- Резникова 2022 — Резникова Т. И. Глаголы прятания: типология систем. *Вопросы языкознания*, 2022, 4: 66–94. [Reznikova T. I. Verbs of hiding: A typology of systems *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 4: 66–94.]
- Розенфельд 1956 — Розенфельд А. З. Дарвазские говоры таджикского языка. *Труды Института языкознания АН СССР*, 1956, VI: 196–276. [Rozenfel'd A. Z. Darvaz varieties of Tajik. *Trudy Instituta yazykoznanija AN SSSR*, 1956, VI: 196–276.]
- Рыжова, Станкович 2018 — Рыжова Д. А., Станкович М. К проблеме внутривидовой типологии: поля «искать» и «находить» в русском и сербском языках. *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 15–37. [Ryzhova D. A., Stankovich M. Towards intragenetic typology: frames «search» and «find» in Russian and Serbian. *EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A., Dobrushina N. R., Bonch-Osmolovskaya A. A., Vyrenkova A. S., Kyuseva M. V., Orekhov B. V., Reznikova T. I. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 15–37.]
- Рыжова и др. (ред.) 2018 — Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018. [Ryzhova D. A., Dobrushina N. R., Bonch-Osmolovskaya A. A., Vyrenkova A. S., Kyuseva M. V., Orekhov B. V., Reznikova T. I. (eds.). *EVRika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi* [EVRika! Collection of articles about searches and findings for the anniversary of E. V. Rakhilina]. Moscow: Labirint, 2018.]
- Толстая 2013 — Толстая С. М. Семантическая реконструкция и лексическая типология. *Славянское языкознание. Доклады российской делегации*. М.: Индрик, 2013, 141–160. [Tolstaya S. M. Semantic reconstruction and lexical typology. *Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Indrik, 2013, 141–160.]
- Урысон 2023 — Урысон Е. В. Словарная статья ИСКАТЬ. *Активный словарь русского языка*. Т. 4, ч. 1. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Бухаров Я. М., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б. и др. (ред.). М.: МЦНМО, 2023. [Uryson E. V. ISKAT' 'search'. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka*. Vol. 4, part 1. Apre-syan V. Yu., Apre-syan Yu. D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O. Yu., Bukharov Ya. M., Galaktionova I. V., Glovinskaya M. Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B. et al. (eds.). Moscow: Moscow Center for Continuous Mathematical Education, 2023.]
- Чистякова 2022 — Чистякова Д. Г. Дифференцированное объектное маркирование в шугнанском языке. *Типология морфосинтаксических параметров*, 2022, 5(2): 84–100. [Chistyakova D. G. Differential object marking in Shughni. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*, 2022, 5(2): 84–100.]
- Шапиро 2015 — Шапиро М. М. Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, ненецкого и коми-зырянского языков): семантика и типология. *Урало-алтайские исследования*, 2015, 1(16): 29–52. [Shapiro M. M. Verbs of oscillatory motion in Uralic languages (on the material of Finnish, Nenets, and Komi-Zyryan languages): semantics and typology. *Uralo-al-taiskie issledovaniya*, 2015, 1(16): 29–52.]
- Apresjan 1997 — Apresjan V. Emotion metaphors and cross-linguistic conceptualization of emotions. *Cuadernos de filologia inglesa*, 1997, 6(2): 179–195.
- Croft 2009 — Croft W. A. Connecting frames and constructions: A case study of «eat» and «feed». *Constructions and Frames*, 2009, 1(1): 7–28.
- Fillmore 1976 — Fillmore C. J. Frame Semantics and the Nature of Language. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1976, 280(1): 20–32.
- Geeraerts 2016 — Geeraerts D. Sense individuation. *The Routledge Handbook of Semantics*. Riemer N. (ed.). London: Routledge, 2016, 233–247.
- Kövecses 2000 — Kövecses Z. *Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling*. New York: Cambridge Univ. Press, 2000.

- Langacker 1987 — Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987.
- Levinson et al. 2007 — Levinson S. C., Senft G., Majid A. Emotion categories in language and thought. *Field Manual Vol. 10*. Majid A. (ed.). Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2007, 46–52.
- Makarov et al. 2022 — Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital Resources for the Shughni Language. *Proc. of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conf.* Marseille: European Language Resources Association, 2022, 61–64.
- Newman 2009 — Newman J. *The Linguistics of Eating and Drinking*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.

Получено / received 15.08.2023

Принято / accepted 26.09.2023